

Аня ПОЛЯКОВА

БЫВШИЕ
Тайная дочь босса

Аля Полякова

Бывшие. Тайная дочь босса

<https://litres.ru/73897293>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Мама, а это кто? – тихо, но четко спрашивает София, тыча фломастером в сторону моего босса. – Это тот самый злой начальник?

Я не могу издать ни звука. Горло пересохло. Пульс стучит в ушах.

Максим игнорирует вопрос, как и я, и, не отрывая взгляда от девочки, делает шаг вперед.

Его лицо смягчается.

- Привет, – говорит он, и его голос звучит тише, мягче. – А тебя как зовут?

- София, – с достоинством отвечает она. – А тебя?

Он на секунду замолкает, будто пробуя ее имя в своем мозгу.

- Максим.

- Очень приличное имя, – одобрительно кивает дочь. - Прямо, как у моего папы.

В прошлом я сама отказалась от нашей любви и очень сильно за это поплатилась. Теперь Максим Игнатьев всегда рядом. Он мой босс, отец моей дочери и он скоро женится...не на мне.

Содержание

1. Глава Фломастеры, кофе и призраки прошлого	4
2. Глава Цунами из прошлого	15
3. Глава Стекло, сталь и один напыщенный придуток	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Аля Полякова

Бывшие. Тайная дочь босса

1. Глава Фломастеры, кофе и призраки прошлого

Алиса

Семь часов утра, а кухня уже выглядит, как поле боя после нашествия розового единорога. Краски, пластилин, клей, карандаши, обрезки разноцветной бумаги...

— Это что еще такое? — бормочу, поднимая ногу, пытаюсь отодрать прилипший к чему-то на полу тапочек.

— Не вугайся...

София, моя шестилетняя буря в розовой пижаме, украшенной белыми слонами, кружит вокруг стола, размахивая рисунком, где нарисовано нечто фиолетовое и клыкастое.

— Ты решила помочь нам с выселением, милая?

Я пытаюсь не взорваться на крик...

Это съемная квартира. Мы въехали пару дней назад. И здесь все такое белое, стильное и свежее. Было... Я еле уговорила пусть жить меня с ребенком. Ведь шесть лет — это уже не три года, когда сложно уговорить малыша от порыва порисовать на стенах. Но я так замоталась с переездом и по-

иском работы, что забыла, что моя дочь — самая настоящая творческая беда... — София... что... это... такое! — интересуюсь, тренируя дыхание по квадрату.

Невинно хлопая глазами, дочь пытается оттереть рукавом чистой пижамы разводы краски на столе и улыбается, показывая отсутствие двух нижних зубов.

— Мама, смотви! Это мой тебе подавок, на твою ваботу! Это ты! А вот это — твой начальник! У него зеленые глаза и хвост! — восторженно кричит она, тыча пальчиком в фиолетовую кляксу. — Но он добвый!

— Красота неопишумемая, солнышко! — выдыхаю я, одной рукой хватая тряпку с раковины, и стараюсь устранить творческий беспорядок на нашем обеденном столе.

Белом столе!

Твою мать...

Эта гуашь не оттирается. А у меня нет времени ее сейчас тереть. Первый рабочий день, новый офис, третий день Софы в садике, новом частном садике, который стоит столько, что у меня шевелятся волосы на ушах, когда я об этом думаю.

— Так ладно, беги быстрее собираться! И давай сюда рисунок, я повешу его на холодильник, — говорю я.

— Спасибо. А каша будет? — интересуется дочь.

— На кашу уже нет времени.

Мой будильник меня предал в самый важный день этого года. Дочь решила разгромить съемную квартиру. Но я не

могу на нее ругаться. Переезд в шесть лет из маленького городка в огромный мегаполис — тот еще стресс.

Моя мама предлагала оставить Софи с ними, чтобы я спокойно работала, а на выходных приезжала к ним.

Я сразу отмела эту идею. Это не наш вариант. Мы с дочкой — одно целое, семья. Я и так воспитываю ее одна без отца. Не хватало ей еще остаться и без матери.

Я ношусь по нашей съемной однокомнатной квартире, как метеор.

Одной рукой заплетаю Софи косички, зная, что она избавится от резинок сразу, как пойдет в сад. Другой крашу себе глаза.

— Софи, надевай куртку и шапку! У тебя сегодня первая тренировка по каратэ в саду, не забудь! — кричу я, запихивая в ее рюкзачок форму. — Я заберу тебя в семь.

— А всех забивают пованьше...

Видимо, у остальных родители не работают.

— Прости, милая, раньше никак не получится...

Софи надувает губы. Я целую ее мягкую щеку, а мое сердце заливается тоской.

Я стараюсь дать ей все самое лучшее... все, чего у меня не было в детстве, все, чтобы она ни в чем не нуждалась и не ощущала себя неполноценной из-за отсутствия в ее жизни фигуры отца.

На часах 8:17. Первый день в «СтарТеке» — моем билете в стабильность — начинается ровно в девять. А дорога до

Пресненской набережной в утренней Москве – это русская рулетка с пробками.

Я уже почти готова: черные брюки (слегка потертые на коленях, но этого не видно), бежевая блузка (куплена на распродаже, и да, она чуть просвечивает, но пиджак спасет!), туфли на низком каблуке (спасибо, Господи, не шпильки). Пиджак... Где пиджак?!

Пять минут паники. Я роюсь в груде детских вещей на стуле – футболки, колготки, носки без пары. Сердце колотится как сумасшедшее. Вот он! Завалился под плюшевым медведем. Надеваю, чувствуя, как ткань неприятно тянет на плечах – немного не мой размер, но выглядит солидно. Хватаю сумку, сунув туда папку с документами, ланчбокс и пачку влажных салфеток (которые всегда со мной, после того как я стала матерью).

Ключи! Где ключи?! На столе, под творческой недоделанной аппликацией Софии. Беру и ее – пусть и она висит на холодильнике, как трофей.

Наконец мы выбираемся из дома и спешим к детскому саду. Хорошо, он находится буквально в соседних дворах, и до метро от него всего три минуты быстрым шагом.

— Соф, будь умницей! Люблю! – говорю я, заводя дочь в раздевалку ее группы.

Дальше она сама.

— Ховошего дня, мамуля.

— И тебе, моя крошка.

Адреналин горьковатой волной подкатывает к горлу, сжимая его. Я должна справиться. Должна постараться. И должна успеть приехать в свой рабочий день вовремя, черт возьми!

Ради Софи. Я должна не облажаться.

Дорога – это ад. В метро душно и слишком много людей. Я втискиваюсь в вагон, чувствуя, как пиджак мнется, а сумка давит на плечо.

Воздух густой, пропитанный утренней усталостью тысяч людей.

Только бы не опоздать. Только бы не опоздать.

Мысль бьется, как птица о стекло. Впечатление в первый день – это все. Особенно когда ты мать-одиночка и эта работа – единственный шанс вылезти из долгов и дать нормальную жизнь своему ребенку.

Я барабаню пальцами по ремешку сумки, глядя, как часы на телефоне сменяются 8:45.

Чудесно... Просто чудесно...

Выскакиваю из лифта на 24-й этаж в 8:58.

Сердце готово выпрыгнуть из груди. Легкие горят. Волосы липнут к влажной шее.

Передо мной – царство стекла, хрома и дорогого паркета. Сверкающий, бездушный космос успеха. Я чуть не сбиваю с ног строгую девушку с идеальным пучком и планшетом.

— Извините! Я... первый день! Подскажите, где отдел маркетинга? – выдавливаю я, чувствуя, как жарко становит-

ся лицу.

Девушка бросает на меня оценивающий взгляд, задерживаясь на моих неидеально начищенных туфлях и пятнышке на блузке (зеленом, спасибо краскам Софии!). Капец... я не видела его до этого...

— Отдел маркетинговых стратегий. Кабинет 2410. Но сначала зайдите к руководителю Игнатьеву Максиму Дмитриевичу. Его приемная дальше по коридору до конца и налево, — произносит она ледяным тоном и отворачивается.

Игнатьев.

Меня бросает в холод. Ледяной стружкой ужас бежит по позвоночнику вниз.

Это ведь совпадение? Так бывает. У людей бывают одинаковые инициалы... Фамилия мелькала на сайте, но я не задумывалась. Собеседование вел отдел по подбору персонала.

Я бегу по указанному коридору, пытаюсь унять дрожь в руках. Номера кабинетов мелькают: 2406... 2408... Вот он, 2410. Останавливаюсь, делаю глубокий вдох, пытаюсь придать лицу спокойное, деловое выражение. Поправляю пиджак, сглатываю комок в горле. Соберись, Морозова. Ты умна. Ты справишься. Ты уже здесь работаешь. Это всё ради Софи.

И тут меня осеняет. Папка! Папка с документами, копией трудового договора, осталась на ресепшене внизу! Паника, острая и холодная, пронзает меня.

Идиотка!

Разворачиваюсь и бросаюсь обратно к лифтам.

Я не вижу его. Я вижу только мысленную картинку ресепшена и свою злосчастную папку.

Он выходит из кабинета 2412 – высокий, в идеально сидящем темно-синем костюме, взгляд прикован к планшету. Широкий шаг, уверенный. Погруженный в цифры, графики, в свой важный мир, где нет места хаосу моего утра.

БАМ!

Я врезаюсь в него всем телом. Из моей руки вылетает картонный стакан.

Полусладкий латте с корицей – моя утренняя слабость – выплескивается фонтаном. Тепло, почти горячо разливается по моей бежевой блузке, мгновенно впитываясь.

Но хуже того – коричневая волна накрывает его безупречные темные брюки, его дорогую обувь. Папки, которые он держал под мышкой, с грохотом падают на пол, бумаги рассыпаются веером по глянцевому паркету. Я сама едва удерживаю равновесие, хватаясь за его рукав. Ткань пиджака, мягкая и очень дорогая, трещит под пальцами.

— Черт возьми! – рздается над моей головой резкий, раздраженный, но... до боли знакомый голос. — Вы вообще смотрите, куда... – голос обрывается.

Я поднимаю голову. Сначала вижу огромное кофейное пятно на его брюках, прямо... там. О Боже. Потом – длинные пальцы, сжимающие планшет так, что костяшки побелели. И наконец – лицо.

Время замирает. Весь шум офиса – гул голосов, стук клавиатур, гудение принтера – глохнет, заглушенный оглушительным гулом в ушах. Передо мной не просто разгневанный новый коллега.

Передо мной Максим Игнатьев.

Те самые серые глаза, которые семь лет назад смотрели на меня с обожанием на скамейке в парке возле общежития. Те самые скулы, которые я целовала, когда мы засыпали в моей крошечной комнатке в общежитии. Те самые губы, что шептали мне «люблю», а потом, в нашу последнюю встречу, искривились от боли и гнева: «Ты предала нас, Алиса. Просто стерла меня из жизни. Как будто ничего не было». И мой собственный голос, лживый и жесткий, сквозь слезы: «Ничего и не было, Макс. Ничего серьезного. Забудь. Уезжай». Я сама отпустила его... и сама поплатилась за это...

Теперь эти серые глаза смотрят на меня с абсолютной, оглушающей ненавистью.

Шок в них быстро сменяется ледяной холодностью, но где-то в глубине, за этой мгновенно возведенной стеной, мелькает что-то еще. Что-то острое, опасное, давно забытое мной.

— Алиса? – его голос тихий, но он режет, как лезвие по стеклу. Он произносит мое имя так, словно пробует его на вкус после долгой разлуки. — Алиса Морозова? Что... что ты здесь делаешь?

Паника, которую я пыталась загнать глубоко внутрь с са-

мого утра, вырывается наружу с такой силой, что перехватывает дыхание. Воздух выкачан из легких. Я чувствую, как пятно кофе на моей блузке расплзается, сливаясь с зеленым пятном фломастера, превращаясь в огромное клеймо неудачницы.

Внутри всё кричит: София! Он не должен знать! Никогда!

Я не могу оторвать от него взгляда. Его лицо – маска холодного недоумения, но я вижу, как напряжена его челюсть, как чуть расширены зрачки. В нем бурлит море вопросов, старых обид и... чего-то еще. Чего я боюсь больше всего.

— Я... я... – мой голос – жалкий писк. Я чувствую, как жарко пылают щеки. Я машинально, судорожно начинаю тереть салфеткой пятно на его пиджаке, пытаюсь хоть что-то исправить. — Извините! Я не... Я не видела! Я первый день, я бежала... за документами... забыла внизу... Я новый сотрудник отдела маркетинга...

Максим резко отстраняет мою руку.

Его взгляд скользит по моей испачканной, просвечивающей блузке, по выбившимся из хвоста волосам, по моему лицу, на котором, я уверена, написан чистый, животный ужас и паника.

— Первый день? – он произносит слова медленно, раздельно, с ледяной интонацией, от которой по спине бегут мурашки. — И вы устраиваетесь... сюда? – he делает крошечную паузу, его взгляд скользит по табличке на двери 2410. — В мой отдел?

— Не знаю...

Его губы кривятся в усмешке.

Он резко наклоняется, подбирая рассыпанные бумаги. Его движения быстрые, эффективные, но в них чувствуется сдерживаемая ярость.

Я стою как истукан, чувствуя себя полной идиоткой посреди этого бумажного и кофейного апокалипсиса. По периферии зрения замечаю, как несколько коллег осторожно обходят нас, бросая любопытные взгляды. Стыд жжет мне лицо.

— Мне... сказали... в кабинет 2410... – выдавливаю я шепотом, не в силах оторвать взгляд от его затылка, от знакомой линии плеч под дорогой тканью пиджака.

Максим выпрямляется, держа в руках смятые, кофейные листы. Его взгляд тяжелый, невыносимый. Он смотрит на меня, как на неопознанный и крайне неприятный объект.

— Кабинет 2410 – это мой кабинет, – говорит он тихо, но каждое слово падает мне на плечи гирей. – А я – Максим Дмитриевич Игнатьев. Ваш непосредственный начальник.

Внутри что-то обрывается с тихим щелчком. Весь мир сжимается до его серых глаз, полных льда, гнева и какого-то странного, нечитаемого смятения. Призрак моего самого болезненного прошлого материализовался здесь и сейчас, держа в руках мои трудовые перспективы и, по сути, ключи от будущего моей дочери.

И этот призрак – мой новый босс.

— Добро пожаловать в «СтарТек», Алиса Сергеевна, — произносит он. В его голосе — ноль градусов по Кельвину. Ни тени приветствия. Только холод и непроницаемость. — Уберите этот бардак. — Он кивает на оставшиеся бумаги у моих ног. — И будьте в моем кабинете через пять минут. Без опозданий.

Он делает паузу, его взгляд снова скользит по моей блузке, и я вижу легкую гримасу брезгливости.

— И... приведите себя в порядок. Мы поговорим о ваших обязанностях.

Он разворачивается и идет к кабинету 2410, не оглядываясь. Его походка все такая же — уверенная, широкая, но сейчас в ней чувствуется сдерживаемое напряжение. Дверь закрывается за ним с тихим, но окончательным щелчком.

Краем глаза я замечаю, как из кабинета напротив выходит женщина. Элегантная, в безупречном костюме бежевого цвета и ярком макияже. Ее взгляд, холодный и оценивающий, скользит по моей фигуре, по хаосу на полу, по закрытой двери кабинета Максима. Она заламывает одну бровь.

— Швабры находятся в подсобке в конце этажа, — бросает она мне.

2. Глава Цунами из прошлого

Максим

Дверь моего кабинета захлопывается за мной с глухим щелчком. В пять шагов преодолеваю расстояние до окна, ослабляя давящий на горло галстук.

Я прислоняюсь лбом к холодному стеклу, отделяющему меня от панорамы Москвы-Сити. Вид, который обычно успокаивает, сегодня кажется насмешкой.

Воздух свистит в легких, как будто я пробежал марафон, а не прошел десять шагов по коридору. Руки сжимаются в кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Боль. Осязаемая. Нужная.

Алиса. Морозова.

Имя жжет изнутри, как выпитая залпом водка. Семь лет. Семь чертовых лет я вычеркивал ее. Выжиг каленым железом из памяти. Или так казалось. До этой минуты. До этого дурацкого, кофейного, бумажного столкновения в коридоре.

Я закрываю глаза, но вижу ее. Совсем не ту, что запомнил. Та Алиса была... светящейся и искрящейся радостью и счастьем. Смешливой. С растрепанными темными волосами и горящими жизнью голубыми глазами. Эта... Эта женщина в помятой блузке, с паникой в огромных глазах и пятном фломастера на груди... Она чужая. Изнанка моей памяти. Призрак, явившийся не вовремя. Совсем не вовремя.

«Что ты здесь делаешь?» Мой собственный вопрос эхом отдается в тишине кабинета.

Голос звучал спокойно? Холодно? Надеюсь. Потому что внутри все бурлило. Шок. Да, оглушающий шок. А потом... Гнев. Старый, знакомый, едкий гнев. Как она смеет? Как она смеет врывать сюда, в мой мир, в мой тщательно выстроенный план, с этим своим жалким видом и этим... этим ужасом на лице? словно я ее обидел, а не она растоптала и унизила меня.

Я открываю глаза, отталкиваюсь от стекла. Иду к столу. Вижу смятые, пропитанные кофе листы отчета по «Пульсару». Утренняя работа. Безупречная логика, выверенные цифры. Теперь это мокрый, коричневый комок бесполезен.

«Добро пожаловать в «СтарТек», Алиса Морозова». Идиотская фраза. Сказанная сквозь зубы. Сквозь семилетнюю стену непонимания и боли. Она предала. Просто исчезла. После всего. После тех слов, что мы говорили. После тех планов... Я стиснул зубы до хруста. Нет. Не сейчас. Нельзя.

Я срываю испорченный пиджак. Бросаю его на кресло. На брюках – огромное кофейное пятно. Идеально. Просто идеально. Я расстегиваю манжеты рубашки, резким движением закатываю рукава. Нужно дышать. Контролировать.

Пять минут. Я дал ей пять минут. Чтобы прийти в себя? Чтобы сбежать? Последнее было бы разумно. Для нее. Но я знаю Алису. Упрямство – ее вторая натура. Она придет. И я должен быть готов. Холоден. Точен. Начальник. Только

начальник.

Сажусь за стол, включаю ноутбук. Заставка – я и Полина на корпоративе в «Метрополе». Она в черном платье с эффектным разрезом на ноге, я в смокинге. Уверенные улыбки. Идеальный кадр для идеального плана. Свадьба через три месяца. Карьера. Статус. Все расписано. Прописано. И вдруг – она. Алиса. Как граната, брошенная в плавно идущий поезд.

Стук в дверь. Тихий, неуверенный. Ровно через пять минут.

— Войдите.

Дверь открывается. Алиса входит. Привела себя в порядок? Сомнительно. Волосы собраны в хвост, но выбившиеся пряди выдают нервозность. Пиджак застегнут.

Она стоит у входа, руки сцеплены перед собой, будто молится. Или сдерживается, чтобы не дрожать. Смотрит куда-то мимо меня, на панораму за окном. Не может встретиться взглядом. Хорошо. Пусть боится. Это хорошо. Это по статусу мне подходит.

— Садитесь, Алиса Сергеевна, – говорю я, намеренно используя ее полное имя.

Глупо называть свою первую любовь по имени отчеству. Глупо называть по имени отчества человека, которого ты видел обнаженным. Не только тело, но и душу... Господи, какая глупость.

У меня внутри все полыхает и огнем сводит. Дышать спо-

койно с трудом получается.

Пусть знает: здесь только рабочие отношения.

Алиса вздрагивает, но садится на краешек стула напротив меня. Спина прямая, слишком напряжена, взгляд в пол. Сама покорность.

— Извините еще раз за... инцидент, Максим Дмитриевич, — произносит она тихо, голос чуть хрипит.

«Инцидент» — хорошее слово. Безликое. Профессиональное. Я киваю, не глядя на нее, открываю папку с ее трудовым договором и должностной инструкцией. Листы чистые, не испачканные кофе.

— Ваши извинения приняты. Но запомните: «СтарТек» — не место для хаоса. Опоздания, невнимательность, кофе в коридорах — это недопустимо. Особенно для новичка в моем отделе. — Голос звучит ровно, ледяно. Я поднимаю на нее взгляд. Она покусывает нижнюю губу, смотрит вниз. Знакомая привычка. Когда она нервничала, всегда так делала. — Вы здесь, потому что HR посчитал ваши навыки подходящими для позиции младшего аналитика в нашем новом проекте. Ваша задача — сбор данных, первичный анализ, подготовка материалов. Дедлайны — святое. Ошибки недопустимы. Вопросы есть?

Она качает головой.

— Нет, Максим Дмитриевич, — голос тихий, будто шелест.

— Отлично, — Я отодвигаю от себя папку. — Ваш настав-

ник – Анна, моя помощница. Она ознакомит вас с текущими задачами, корпоративным ПО, покажет рабочее место. Вы на испытательном сроке. Три месяца. Любое несоответствие стандартам – и мы расстанемся. Без сантиментов. — Я делаю паузу, ловя ее взгляд. Он мелькает, полный того самого старого страха и... вызова? Нет, показалось. — И еще раз, Алиса. Прошлое – это прошлое. Я не намерен его ворошить. И не советую вам. Здесь и сейчас – только работа. Четко, профессионально, без личного. Это понятно?

Она замирает. Вижу, как сжимаются ее пальцы на коленях. Щеки слегка розовеют. Она глубоко вдыхает, поднимает голову. И наконец смотрит мне прямо в глаза. В них – не паника. Не страх. А какое-то... обреченное упорство.

— Совершенно понятно, Максим Дмитриевич, – говорит она четко. — Тем более и вспоминать совершенно нечего.

Это задевает. Бьет по моим внутренностям, словно шрапнель.

Ее взгляд держится пару секунд, потом опускается. Но этого хватило. В нем не было покорности. Была решимость. Вызов? Или просто отчаяние? Неважно. Главное – наши границы поставлены. Железобетонные.

— Хорошо. Анна ждет вас у своего стола. Рабочий день начался. — Я отворачиваюсь к ноутбуку, сигнализируя, что разговор окончен. — И... приведите в порядок одежду. Внешний вид – часть профессионализма.

Слышу, как она поднимается. Стул скрипит. Шаги к две-

ри. Она открывает ее.

— Максим Дмитриевич? — зовет до боли знакомый мягкий голос.

Стискиваю зубы.

— Да?

— Это случайность. Совпадение. Я не искала и не ищу с вами встреч.

— Это похвально. Закройте дверь с другой стороны, Морозова.

Звонок телефона вырывает меня из омута. Полина. Иконка ее фото светится на экране. Идеальная улыбка. Идеальный план.

Я беру трубку.

— Да, Польш?

— Макс, привет! Ты как? У нас вечером все в силе? — ее голос бодр, деловит.

— А что будет вечером? — встреча с Алисой совсем выбила меня из колеи.

Полина заливисто смеется.

— Встреча с флористом и командой декораторов. Хотела уточнить насчет палитры для центральных композиций. Ты же помнишь, я хочу холодные тона? Серебро, белый, бирюза...

Я слушаю. Киваю. Поддакиваю. Говорю что-то про «да, конечно» и «решай сама». Но мысли где-то далеко. Они хотят вломиться в закрытую в моем сознании дверь. Где спря-

таны воспоминания моей счастливой юности. Туда, где я был влюблен в Алису Морозову, а впереди у нас была целая жизнь вместе.

Что-то сломалось. Что-то сломалось в моем идеально спланированном утре. В моем идеально спланированном будущем.

— Макс? Ты меня слышишь? – голос Полины звучит резко. — Тебе все равно на цветы?

— Ничего, дорогая, – автоматически отвечаю я. – Просто напряженное утро. Несколько... непредвиденных обстоятельств.

— Непредвиденных обстоятельств? – она повторяет с легкой ноткой недоверия. — Надеюсь, ничего серьезного? У тебя ведь сегодня презентация по «Пульсару» в три. Позвонишь мне потом?

— Да, да, – отмахиваюсь. – Всё под контролем.

Только призрак прошлого устроил кофейный потоп в моем настоящем и, возможно, угрожает моему будущему.

— Хорошо... – пауза. – Ладно, тогда до вечера. Не забудь, что после флористов у нас ужин с моими родителями в «Сафоне» в восемь. Будь вовремя. Если флористов я могу еще взять на себя, то моих родителей мне уже не вывезти...

— Не забуду, – обещаю и кладу трубку.

Тишина кабинета снова давит. Я смотрю на закрытую дверь.

«Прошлое – это прошлое. Оно не должно влиять на рабо-

ту».

Мои собственные слова звучат в голове пустым лозунгом. Легко сказать. Гораздо сложнее сделать, когда прошлое сидит в десяти метрах от тебя. А у тебя к этому прошлому с десяток вопросов...

Я встаю, подхожу к окну. Москва кипит внизу. Мой город. Моя империя. Всё под контролем. Всё по плану.

Ощущение, что я только что впустил в свою идеально отлаженную жизнь мину замедленного действия. И тиканье уже началось.

3. Глава Стекло, сталь и один напыщенный придурок

Алиса

Неделя. Целая неделя в аду под названием «СтарТек». Ад с кондиционером, дизайнерскими креслами, модными сотрудниками и видом на Москву-Сити. И с одним единственным демоном по имени Максим Игнатъев.

Каждое утро я проделываю один и тот же ритуал. Подъем в шесть, сборы Софии в сад с танцами с бубном вокруг ее настроения, быстрый завтрак на ногах и бег на работу. Пришлось влезть в кредитку и купить себе пару свежих блузок и узкую юбку-карандаш, а то мои потертые штаны слишком бросались в глаза местному обществу сплетниц. Я научилась входить в офис, не поднимая глаз от пола, чтобы случайно не встретиться с взглядом Максима. Я научилась дышать тише, говорить тише, двигаться так, чтобы занимать как можно меньше места в этом пространстве, которое он заполняет собой целиком. А он везде! Часто и близко! Давит своим присутствием, и даже когда его нет рядом, разговоры коллег часто только об Игнатъеве.

О нем и о его личной жизни.

Я теперь в курсе о его помолвке. Не смогла удержаться и нашла в интернете его невесту. Она очень красивая. Ухо-

женная. Шикарная. Чуть старше его, судя по информации в сети, но в современном обществе это не проблема...

Мой спасательный круг – проект «Пульсар». Я вцепилась в него как утопающий. Анализ рынка, отчеты по конкурентам, построение графиков. Цифры не смотрят на меня с холодным презрением. Логика не напоминает о прошлом. Я погружаюсь в данные с головой, и только так могу заглушить постоянный, фоновый шум паники.

Мое рабочее место – открытый ноутбук, отгороженный от других таких же стеклянными перегородками. Символично. Все на виду. Особенно у начальства. Кабинет Максима – прямо по диагонали. Если приподняться, я вижу его за столом. Он всегда сосредоточен. Лицо – каменная маска. Иногда он выходит, проходит по коридору, и я замираю, вжимаясь в монитор, пока его тень не скроется за углом. Часто, когда к нему приходит невеста, Максим опускает на стеклянные стены жалюзи, и я стараюсь не думать, что происходит там за ними. Прошло семь лет с нашего расставания, с того момента, как я его отпустила, пойдя на поводу у обстоятельств, а меня никто и никогда больше не целовал так сладко, как Максим. Никто и никогда.

Сегодня утреннее совещание. Первое, на котором буду присутствовать я.

«Не опоздай, Морозова, – говорю себе я, поправляя ворот новой черной блузки, одна пуговица так и норовит расстегнуться, и я уже третий раз ее поправляю на место. – И ради

всего святого, не урони ничего».

Захожу в переговорку последней. Сажусь в самом конце стола, подальше от головы, где восседает Игнатъев. Анна, его помощница, приветливо машет мне и улыбается. Это ее я встретила в первый день в коридоре, и она же помогла мне привести себя в порядок, одолжив одну из своих дежурных блузок. Мы подружились. И вместе ходим на обед.

В основном все новости об Игнатъеве я узнаю против своей воли от нее, но... пусть так. Мне нужен союзник в этом офисе. Максим в темно-синем костюме и белой рубашке, безупречном, как и все в нем. У него короткая непривычная стрижка, которая делает его грубее и мужественнее. Его лицо потеряло юный лоск и стало острее и холоднее. Около глаз появились первые морщины, а губы часто сжаты. Я ни разу не видела на его полных губах улыбки.

Сердце сжимается.

Когда-то давно мы были самыми близкими людьми, а теперь посмотрите на нас...

Он не смотрит в мою сторону, разговаривает с кем-то из старших менеджеров. Я достаю ноутбук, блокнот, стараюсь, чтобы руки не дрожали. Проверяю свои записи, презентацию. Сегодня мой первый выход, и я не должна облажаться.

Совещание начинается. Максим ведет его жестко, эффективно. Он требует цифры, факты, конкретные предложения. Его вопросы острые, как лезвие. Он не терпит размытых формулировок. Когда один из коллег начинает мямлить про

«синергию» и «экосистему», Максим его останавливает.

— Иван, оставьте маркетинговые шаблоны для презентаций инвесторам. Мне нужна суть. Что мы делаем, зачем и почему это купят. Понятно?

Голос холодный, без единой нотки снисхождения. В комнате повисает напряженная тишина. Я чувствую, как сжимается мой собственный желудок. Такой Максим мне не знаком. В юности он был амбициозен, но не жесток. Это – новое. И это пугает.

Доходит до моего отчета по первичному анализу целевой аудитории. Я делаю глубокий вдох.

— Алиса Сергеевна, мы готовы ваши данные, – произносит Максим, наконец бросая на меня беглый взгляд.

— Всем доброе утро. Давайте посмотрим, что я смогла собрать и проанализировать. Если у вас будут вопросы, давайте вы зададите их после моего выступления, иначе я собоюсь и не смогу продолжить, – выдавливаю из себя улыбку, оглядывая своих коллег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.